

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И РЕЛИГИЯ

*Л.А. АНДРЕЕВА***Феномен религиозного индифферентизма
в Российской империи**

Более ста лет назад закончилась Первая русская революция. Она стала предвестником революции 1917 г., огромного духовного перелома, когда приход к власти большевиков положил начало более чем 70-летнему господству атеизма как государственной политики. Очевидно, что этот политический курс уже изначально должен был обрести опору в ментальности бывших подданных Российской империи, где православие являлось государственной религией. Однако для современной российской политической жизни характерна идеализация дореволюционного прошлого России. В частности, факты антиклерикальных настроений и религиозного индифферентизма широких слоев населения Российской империи начала XX в. либо просто игнорируются, либо трактуются исключительно как следствия внешних идеологических воздействий, революционной пропаганды. Однако, на мой взгляд, именно с эпохи Первой русской революции, если не ранее, религиозный индифферентизм стал одной из важнейших движущих сил революционных событий.

XIX век: зарождение и становление религиозного индифферентизма

Религиозный индифферентизм возникает в эпохи, когда религия (при сохранении религиозного мировоззрения) перестает быть руководящей силой и побудительным мотивом в жизни людей. Он подразумевает игнорирование постулатов религии и мнения священнослужителей при решении человеком многих социально значимых вопросов, при восприятии нерелигиозных ценностей, а также безразличие к отдельным положениям религии. В Российской империи это явление было характерно, прежде всего, для низших классов общества – рабочих и крестьян. Большинство интеллигенции также ориентировалось на материалистическую картину мира и на сознательном уровне отрицало религиозное мировоззрение.

Первые признаки зарождения религиозного индифферентизма можно заметить уже в событиях на Сенатской площади в декабре 1825 г. Для вразумления восставших солдат и сочувствовавшего "бунту" народа царь отправил на Сенатскую площадь двух митрополитов – Санкт-Петербургского Серафима и Киевского Евгения. Высшие иерархи православной церкви оказались абсолютно беспомощными в попытках утихомирить восставших. Следовательно, налицо факт игнорирования солдатами и "чернью" мнения двух высокопоставленных священнослужителей при принятии ими жизненно важного решения – непослушания воле царя. Слушатели остались глухи к речам иерархов.

А н д р е в а Лариса Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН.

В середине XIX в., на закате царствования Николая I, согласно статистике Священного синода, религиозный индифферентизм был уже довольно широко распространен среди населения. Процент "не бывших у исповеди по нерадению православных" из года в год возрастал: с 1852 г. 9,1% православных мужчин и 8% женщин игнорировали выполнение этой важной религиозной обязанности [Русское... 1989, с. 337]. Именно к этому времени относится эпизод, произошедший с родителями схиархимандрита Гавриила (Зырянова, 1844–1915), из которого можно сделать некоторые выводы о религиозности крестьянства: "Родители его были зажиточные и благочестивые крестьяне Пермской губернии... всегда заполняли день чтением житий святых, Евангелия и Псалтыри... и в церковь ходили каждый праздник и милостыню подавали, и от мяса отказывались и дома молились. А отсюда – подозрительны. Нет ли уж какой у них секты? И родной их дядя и местный священник возбудили... судебное преследование! Хотя оно кончилось без последствий, но характеризует наши нравы" [Епископ... 1996, с. 41, 44]. Следовательно, для крестьян и даже для священника казалось странным поведение людей, побудительным мотивом и руководящей силой которого являлась религия. В таком случае встает закономерный вопрос: что же было руководящей силой в повседневной жизни для остальных обитателей села и почему священник заподозрил благочестивых прихожан в сектантстве?

Князь П. Кропоткин запечатлел в своих воспоминаниях типажи священнослужителей николаевской России. Вот как он описывает службу в церкви, находящейся в селе его отца: «...в Никольском, например, священник торопится (нужно бежать на покос), отжаривает с поразительной скоростью царскую фамилию, которую при Николае I приходилось отчитывать четыре раза во время обедни, с начала до конца... Рыжий пономарь, когда ему приходилось сорок раз подряд говорить: "Господи помилуй", жарил так, что на всю церковь так и раздавалось: "Помело-с, помело-с". А дьячок Иван Степанович, с копной никогда не расчесываемых седых волос на голове, с соломой и репейником в волосах и в бороде, поет "Иже херувимы", а сам в это время найдет кусок сухой баранки в аналое и грызет ее среди пения: "Иже хе-хе-хе (проглотит) ру-ви-и-и-и-мы", а потом вытаскивает какое-то насекомое из бороды и давит: "тайно о-бра-зу (хлоп его) у-ю-ще" и т.д.» [Кропоткин, 1988, с. 124]. Описание князя-анархиста перекликается с картиной, нарисованной обер-прокурором Синода К. Победоносцевым: "Что же сказать о множестве затерянных в глубине лесов и в широте полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, под козлогласованием дьячка или бормотанием клирика?" [Победоносцев, 1996, с. 222].

А вот как Кропоткин описывает службу в аристократическом приходе церкви Успения на Могильцах, где выразительно священнодействовал И. Богославский-Платонов: «...и певчие превосходные, и сам так выразительно произносил слова, и даже проповеди читал. Все дамы из Старой Конюшенной ходили к нему. А между тем, однажды, когда он выносил дары и дьякон пыжился, бася "благочестивейшего, самодержавнейшего!", Ипполит Михайлович, заметив, что рослый лакей загородил одну из наших красавиц близ амвона, густым отчетливым шепотом сказал ему: "Куда лезешь, болван! Ступай назад!"» [Кропоткин, 1988, с. 124].

Во второй половине XIX в. процесс распространения индифферентного отношения к православию неграмотного сельского населения стал нарастать. Вот два примера конца 1870-х гг. Из общего числа 580 прихожан села Дмитровского Звенигородского уезда Московской губернии на годовой исповеди побывали лишь 214 человек. В селе Архангельском Верейского уезда Московской губернии 580 прихожан не явились на исповедь [Русское... 1989, с. 373].

Победоносцев так оценивал религиозную ситуацию среди простого населения: "Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует, остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже

в Отче наш, повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы". Следовательно, обер-прокурор Синода признавал, что для подавляющего большинства населения империи православие существовало только в обрядовой форме. Следует заметить, что, несмотря на такую удручающую картину, Победоносцев все же веровал в то, что "во всех этих невоспитанных умах воздвигнут... неизвестно кем, алтарь Неведомому Богу" [Победоносцев, 1996, с. 168].

Сущность этого явления ("обрядоверия"), на мой взгляд, наиболее ярко передается картиной И. Репина "Крестный ход в Курской губернии". Искусствовед М. Чегодаева так характеризует эту картину: "Крестный ход в Курской губернии впечатляет многолюдством, обилием хоругвей и икон, ритмом мерного движения – и вполне бессмысленный своей равнодушной обрядностью. Его символ веры – пустой киот, который истово несут две бабы, не замечая, что иконы-то в нем нет: то ли выпала, то ли забыли поставить; его социальный знак – деревенский староста, отстраняющий палкой от чистой публики нищего горбуна, ковыляющего по обочине, замахнувшийся плеткой конный жандарм" [Чегодаева].

На рубеже XIX и XX вв. возросло политическое значение религиозного фактора. Как справедливо замечает американский исследователь Г. Фриз, это произошло не потому, что население стало набожнее, а в силу того, что царский режим лишился других традиционных основ своей легитимности. "В XVIII и XIX вв. в представлении верноподданного обывателя законность царизма покоилась, кроме религии, на трех других основах: военной и политической мощи государства, его способности обеспечить благосостояние народа и на восприятии в народном сознании образа царя как вождя своего народа. Эти основы к концу XIX в. во многом утратили свое значение. После поражения в Крымской войне международное положение России все чаще давало повод для недовольства в стране режимом и его некомпетентностью. Нараставший кризис в деревне и городе (безработица и голод, бунты и забастовки) служил явным доказательством того, что царизм не только не был в состоянии гарантировать благосостояние народа, но и сам был причиной обнищания страны. Если многие из российских монархов (от Петра Великого до Александра III) были в том или ином отношении яркими личностями или могли казаться таковыми, то Николай II... не соответствовал образу императора послепетровской России" [Фриз, 1992, с. 31–32]. Именно в этот исторический момент максимальной политической востребованности православия в Российской империи и начинается стремительно возрастать религиозный индифферентизм населения.

Религиозный индифферентизм фабрично-заводских рабочих

С начала 1890-х гг. религиозный индифферентизм как массовое явление начинает фиксироваться религиозными властями в среде фабрично-заводских рабочих. В одном из старейших промышленных районов – центральном, по данным синодальных отчетов за 1892 г., рабочие не вполне усердно посещали церковь, без достаточных оснований уклонялись от исповеди и причастия. В отчете за 1893 г. говорится уже о холодности к посещению церквей, исполнению церковных обрядов и соблюдению церковных праздников. Отмечаются "неустойчивость и колебания в религиозной вере" и недостаточное уважение к духовенству. Такие тенденции наблюдались и в двух других промышленных регионах страны – на Урале и в Южном промышленном регионе. В отчетах уральских епархий говорится, что заводские, а также пристанские рабочие нередко стыдятся просить у священника благословения, а подают ему руку; не считают грехом нарушить пост, что среди рабочего люда "замечается какой-то религиозный индифферентизм, неустойчивость и нетвердость религиозных убеждений". Один из уральских епископов писал, что рабочие из заводских селений "относятся к пастырским убеждениям вообще с полным равнодушием, выражая при этом... нежелание даже выслушивать их". В отчете Екатеринбургской епархии (Южный промышленный регион) за 1898 г. говорится следующее об отношении рабочих к религии: "На фабриках, рудниках и заводах... замечается полный индифферентизм к религии, церкви и ее установлениям... к религии они от-

носятся также безразлично и к духовным пастырям своим" [Персиц, 1965, с. 120–122]. Шеф жандармов П. Святополк-Мирский писал в 1901 г.: "В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на заводе еще немного, но эта ничтожная горсть... руководит всей остальной инертной массой рабочих" [Красный... 1936, с. 62].

Причины индифферентного отношения к религии, на мой взгляд, изложены в песне "Сказка о попе и черте", которая была создана в конце 1890-х гг. неизвестным автором и была широко распространена среди рабочих Петербурга, Иваново-Вознесенска, Тулы и др. Исполнялась она на мотив "Из-за острова на стрежень", подчас прямо на улице, даже неподалеку от полицейских участков [Персиц, 1965, с. 113]. Основной ее смысл заключен в следующем фрагменте: "В церкви, золотом залитой, /Пред оборванной толпой /Проповедовал с амвона /Поп в одежде парчевой /Изнуренные, худые /Были лица прихожан, /В мозолях их были руки... /Поп был гладок и румян /Братья! – Он взывал к народу, /Вы противитесь к властям; /Вечно ропщете на бога, /Что живется плохо вам! /Это дьявол соблазняет /Вас на грешные дела, /В свои сети увлекает, /Чтоб душа его была. /Вот за то, когда помрете, /Вам воздастся по делам; /В пламень адский попадете /Прямо в общество к чертям" [Русские... 1957, с. 504–506].

Рабочий в песне "оборван, изнурен и худ". Экономическое положение рабочих на фабриках действительно было тяжелым. Рабочий день свыше 11 часов, низкая заработная плата, постоянные штрафы, неустроенный быт. Священнослужитель, напротив, "гладок и румян", призывает с амвона не "противиться властям". Следовательно, духовенство воспринималось рабочими как составная часть эксплуататорского класса, а его проповедь трактовалась как направленная на религиозное обоснование существующего порядка вещей, то есть справедливость и религия стали восприниматься как антагонистические сущности.

Л. Толстой в романе "Воскресение" нарисовал такой образ политического заключенного – фабричного рабочего Маркела Кондратьева: "К религии он относился так же отрицательно, как и к существующему экономическому устройству. Поняв нелепость веры, в которой он вырос, и с усилием и сначала страхом, а потом с восторгом освободившись от нее, он, как был в возмездие за тот обман, в котором держали его и его предков, не устал ядовито и озлобленно смеяться над попами и над религиозными догматами. Он был по привычкам аскет, довольствовался самым малым и, как всякий с детства приученный к работе, с развитыми мускулами человек, легко, много и ловко мог работать всякую физическую работу, но больше всего дорожил досугом, чтобы в тюрьмах и на этапах продолжать учиться. Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке" [Толстой, 1964, с. 440–441]. Многие роднит этот образ с героем романа Н. Чернышевского "Что делать?" Рахметовым: овладение знаниями, которые воспринимаются как ключ к спасению, материализм как принцип постижения абсолютной истины, как "новая благая весть", внешний аскетизм. Это еще один литературный образ, в котором просматриваются черты формирующейся квазирелигиозности.

Рабочие и Первая русская революция

Рабочей средой, с точки зрения ее отношения к религии, в конце XIX–начале XX в. начали живо интересоваться две силы – социал-демократы и царское правительство. Организованный зимой 1895 г. А. Ваневым, П. Запорожцем, О. Мартовым, В. Ульяновым "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" начал широкую агитацию марксизма среди рабочих. При этом его создатели надеялись на то, что марксизм как "единственно верное", всеобъемлющее учение, "новая благая весть" вытеснит из сознания рабочих религию – "старую благую весть". Премьер-министр С. Витте констатировал: "Рабочие уходят в руки революционеров, то есть всяких социалистических и анархиче-

ских организаций, потому, что революционеры держат их сторону, проповедуют им теории, сулящие всякие блага. Как же бороться с этим? Очень просто. Нужно делать то же, что делают революционеры, то есть нужно устраивать всякие полицейско-рабочие организации рабочих, защищать или главным образом кричать о защите интересов рабочих. Устраивать всякие общества, сборища, лекции, проповеди, кассы и пр." [Витте, 1960, с. 217].

Именно в рамках "полицейского социализма" была предпринята попытка взять рабочее движение под контроль, в частности, опираясь на священнослужителя православной церкви о. Георгия (Гапона). Под его руководством было организовано "Петербургское собрание русских фабрично-заводских людей". Видным членом общества в Нарвском районе был св. Философ (Орнатский), и оно пользовалось покровительством Петербургского митрополита Антония (Вадковского). Первоначально миссия Гапона имела оглушительный успех среди рабочих столицы. К началу 1905 г. общество имело 11 отделений и насчитывало свыше 10 тысяч членов из рабочих [Грекулов, 1969, с. 65]. Социал-демократы видели в нем опасного соперника в борьбе за умы пролетариев. Но, как известно, попытки воздействовать на рабочих через духовное лицо закончились "Кровавым воскресеньем" 9 февраля 1905 г. При этом сам Гапон заранее был предупрежден, что организованное им шествие будет расстреляно. Он писал об этом Витте [Персиц, 1965, с. 203].

Следует отметить, что Гапон в январские дни 1905 г. фактически вышел из повиновения духовных властей. «5 января митрополит Антоний предложил петербургской духовной консистории потребовать от Гапона объяснений. Гапон не явился в консисторию. Затем его дважды вызывали к митрополиту. Гапон не явился и к нему. Встревоженный иерарх навел справки в полиции, но там продолжали рассчитывать на своего агента. Митрополит получил ответ, что деятельность Гапона очень полезна. Поэтому, как говорится в епархиальном отчете, "9 января было встречено владыкою спокойно"» [Зырянов, 1984, с. 48]. Отвечая позднее на вопрос, на что он рассчитывал, Гапон отвечал: "Если бы царь принял нашу делегацию, я упал бы перед ним на колени и убедил бы его при мне же написать указ об амнистии всех политических. Мы бы вышли с царем на балкон, я прочел бы народу указ. Общее ликование. С этого момента я – первый советник царя и фактический правитель России. Начали бы строить Царствие Божие на земле" [Поссе, 1923, с. 48].

Синод занял позицию осуждения демонстрации 9 января. Петербургское духовенство выступало с проповедями и беседами, оправдывая действия солдат. При этом утверждалось, что выдача из церквей крестов, икон и хоругвей происходила без согласия священников, что все это якобы делали революционеры, переодевшиеся в священническое облачение [Грекулов, 1969, с. 68–69]. Однако такие объяснения не могли сгладить впечатление, которое произвели на общество кровавые события. Например, митрополит Вениамин (Федченков), бывший в ту пору студентом духовной академии, вспоминает: «Я, человек монархических настроений, не только не радовался этой победе правительства, но почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих, что бы ни случилось потом... А тут еще шли с иконами и хоругвями... Нет, нет, не так мне верилось, не так хотелось. И хотя я и после продолжал, конечно, быть лояльным царю и монархическому строю, очарование царем упало. Говорят: кумир поверженный все же кумир. Нет, если он упал, то уже не кумир. Пала вера и в силу царя, и этого строя. Напрасно тогда генерал Трепов расклеивал по столице длинные афиши с приказами "Патронов не жалеть!". Это говорило о напуганности правительства, а еще больше – о разрыве его с народными массами, что несравненно страшнее» [Вениамин (Федченков), 1994, с. 112–113].

Результатом событий 9 января стало не только начало Первой революции, но и переориентация сознания рабочих. Деятели социал-демократической партии А. Луначарский в своем стихотворении отразил настроения, распространившиеся среди рабочих: "Мы не иконы понесем, /Пойдем мы не с портретом, /А бомбы, ружья, динамит /Вам загремят ответом /И не хоругвь над головой /Завеет златотканый – /Мы знамя красное

взовьем, /Великий стяг наш бранный... / И не псалмы мы будем петь, /А Марсельезу грянем: /Социализм наш идеал /И мы его достанем!" [Пролетарий... 1905].

В отчетах Синода за 1905–1907 гг. проблема веры ставится совершенно новым образом: уже прямо пишется о восприятии рабочими социалистических идей как "религии будущего": "...рабочих прельщало обещание вождей социализма излечить все существующие недуги общественной жизни установлением нового строя жизни на началах общности труда, уничтожения собственности, братства и равенства. Рисовавшийся пропагандистами социализма идеал счастливой жизни на сказанных началах представлялся молодежи настолько привлекательным, что социализм стали называть религией будущего. Желанием скорейшего его воцарения оправдывалось и применение теперь же насилия к делу разрушения существующего строя, основанного будто бы на капитале и собственности" [Персиц, 1965, с. 210].

Успех социалистической пропаганды среди рабочих беспокоил не только власти, но и либеральные круги общества. В начале 1905 г. либеральная газета "Слово" поставила вопрос о необходимости для духовенства более тесного контакта с рабочими. В ответ газета получила письмо от одного столичного рабочего, в котором говорилось о невозможности усиления влияния духовенства на петербургских рабочих из-за их почти поголовного недоверия. "Слово" так прокомментировало это письмо: "И мы готовы поверить, что это правда, по крайней мере, для столицы" [Слово, 1905].

Судя по отчетам епископов, явление это было характерно отнюдь не только для Петербурга. В 1906 г. епископ Курский и Обоянский Питирим писал: «...то недоверие, с каким весьма часто прихожане относятся к попыткам духовенства сблизиться с пасомыми, та неприязнь, граничащая с открытой враждой, какую нередко проявляют прихожане к духовенству, свидетельствуют о том, что духовенство начинает утрачивать былую любовь и авторитет среди прихожан, легко поддающихся в то же время влиянию всяких проходимцев, именующих себя "освободителями". Блаженные времена, когда никто из прихожан не считал себя вправе предпринять что-либо без совета и благословения своего пастыря, миновали, и духовенство оказалось в положении пастыря, который идет не впереди своих овец, а гоняется за ними сзади» (цит. по [Емелях, 1965, с. 132]).

Крестьянские выступления против духовенства в Первую русскую революцию

Первая русская революция подняла и волну крестьянских выступлений против духовенства. Еще накануне революции в отчетах епархиальных архиереев настрой паствы характеризовался как удовлетворительный. Так, епископ Петр в отчете о состоянии Смоленской епархии за 1903 г. доносил: "Благочестие в православном народе, по благости Божией, удовлетворительное, усердие и преданность смолян к вере и церкви, как видно из донесений благочинных и усмотрено мною лично, остаются неизменными". В отчете о состоянии Орловской епархии за 1904 г. епископ Кирион указывал: "В православной вере народ вообще тверд, дорожит благочестивыми преданиями предков и держится их благочестивых обычаев" (цит. по [Емелях, 1965, с. 123]).

Однако в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) сохранились свидетельства явного ощущения приближения бури: «Батюшка, очень умный и искренний человек, говорил слово по поводу общественных настроений. Богомольцы смиренно слушали нагнув головы. И вдруг один из них, сотский, кажется по имени Василий, грубоватый и даже глуповатый человек, прерывает батюшку с места, а он стоял всегда впереди, и открыто говорит что-то против начальства... Молчат другие, но видно, с ним согласны. Священник останавливает его с сердцем и, грозя пальцем, говорит в ответ: "Василий! Смотри, как бы тебе за это не попасть куда не следует... по головке не погладят за такие слова!" Василий нагнул голову, как бык, но, видимо, совсем не был испуган угрозами... А мне тогда стало очень неловко за нашего батюшку: вместо отеческого и доброго слова он только и нашелся что пригрозить полицейскими карами... Не этого нужно было бы ждать от церковного служителя и евангельского проповедника» [Вениамин (Федченков), 1994, с. 114–115].

И буря не заставила себя долго ждать: с февраля 1905 по май 1906 г. в Российской империи убиты 31 священник, а 12 церквей и 2 монастыря полностью разгромлены [Малиновский, 1909, с. 110]. После этого на страницах церковных периодических изданий уже по-иному характеризовался настрой паствы: "Духовенству нашему даже среди благочестивых и прежде смиренно покорных крестьян весьма нелегко живется. Там священнику не хотят совершенно платить за требы, тут оскорбляют его всячески. Тут приходится закрывать церковь и причт переводить в другой приход, потому что крестьяне решительно отказались содержать свой причт; есть еще прискорбные факты – это случаи убийств, сожжения священников, случаи различных грубых издевательств над ними" [Христианин, 1907]. По донесению из Юрьевецкого округа Костромской епархии видно, что духовенство воспринималось как составная часть эксплуататорского класса, и в массах распространилось мнение о "богатстве и корыстолюбии духовенства, о союзе его с людьми знатными и богатыми с целью удержать бедный и трудящийся класс населения в невежестве, угнетении и нищете". Поэтому считалось, что "слушать священников не нужно... Духовенство – воры, обкрадывающие народ так, как никакие воры и разбойники. Они прежде всего лгут, выдумывают, что есть души, что будет по смерти суд, что нужно поститься, поминать родителей и прочее. Это они говорят для дохода своего. Они обирают народ и вещественно: за все подай деньги. Да разве таинства продаются? Апостолы ничего не брали. Попы обязаны все даром делать и довольствоваться тем, что дадут, а не дадут – не претендовать" [Персиц, 1965, с. 212].

В 1905 г. всюду отмечается, что "благочестие в народе из года в год уменьшается; не только в воскресные дни, но и в великие праздники он лениво посещает храмы... что отцы-иереи жалуются... на равнодушное отношение к посещению церковных служб... ссылаясь на свободу совести". Епископ Орловский Серафим резюмировал: "Судя по отзывам преосвященных, представленным 1905 г. в Синод... везде пришли к заключению, что наша православная служба... остается наполовину мертвой для громадного большинства русских людей" (цит. по [Емелях, 1965, с. 127]).

В годы Первой русской революции получило широкое распространение такое явление, как захват крестьянами монастырских и церковных земель. Хотя стоит заметить, что по описи 1905 г. в собственности церквей, монастырей и личной собственности духовенства было около 3 млн десятин земли, то есть менее 1% общей площади. Несмотря на такой, казалось бы, незначительный процент, вопрос о церковно-монастырских землях приобрел принципиальную остроту. Ведь речь шла о социальной справедливости, о которой должна была заботиться церковь. Повсеместно развернулось движение за изъятие в пользу крестьян этих земель. На первом делегатском совещании Всероссийского крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г. в Москве единогласно было принято решение об отчуждении без выкупа монастырских и церковных земель [Емелях, 1965, с. 8, 14].

Сама же церковь придерживалась противоположной точки зрения. В 1906 г. на предсоборном Совещании Русской православной церкви была категорически отвергнута идея ликвидации церковно-монастырского землевладения. Стоит заметить, что ряд представителей городского духовенства высказались за ограничение церковного землевладения, дальновидно усмотрев в нем одну из причин крестьянских антиклерикальных выступлений. Например, "состоявшееся в Казани пастырское собрание по земельному вопросу высказалось за продажу церковных земель народу, указывая на то, что земля пагубна для пастырей, так как, занимаясь земледелием, пастырь пренебрегает своими обязанностями... отдавая земли в аренду, духовенство привыкает к торгашеству" [Емелях, 1965, с. 19].

При нерешенности вопроса с церковно-монастырским землевладением многие крестьянские сходы в годы Первой русской революции принимали решения о конфискации этих земель. Крестьянские выступления против священников были прежде всего выступлениями против землевладельцев. Часто крестьяне не ограничивались лишь декларациями, а переходили к самозахвату земель. Так, скопинский исправник Рязанской губернии доносил о самовольной запашке крестьянами церковной земли в селе Князем-Займище в 1907 г.: "За последнее время отношения причта с крестьянами сильно обост-

рились на почве высоких поборов при совершении разного рода треб и таинств; так, например, были случаи, когда за недоплату нескольких копеек покойник оставался не погребенным около суток после того, как был перенесен в церковь. А также не венчались свадьбы вследствие недоплаты суммы, назначенной священникам. Но что более всего озлобило крестьян – это такса, установленная нынешним постом за исповедь по 12 коп. с души; были случаи, когда крестьянин, не доплативший 3–4 коп., не допускался до исповеди и тут же на глазах других отсылался священником обратно. Под впечатлением этого 8 апреля, вышедши из храма, крестьяне единогласно постановили старую усадебную землю причта засеять самим" (цит. по [Персиц, 1965, с. 216]).

Антиклерикальные настроения крестьян имели еще одну мотивировку – поддержку церковью помещичьего и удельного землевладения. Здесь они выступали единым фронтом. В годы революции духовенство опубликовало множество воззваний, брошюр в защиту помещичьего землевладения. В 1905 г. Синод неоднократно давал указания духовенству "вразумлять крестьян не посягать на частную собственность" [Емелях, 1965, с. 49]. В 1905 г. в "Церковных ведомостях" № 49 были опубликованы тезисы проповеди "О собственности", в которых крестьянам грозили небесной карой за посягательство на церковную собственность.

Другим прослеживаемым практически повсеместно мотивом антиклерикальных выступлений стали поборы духовенства. Например, крестьяне Николаевской волости Ардатовского уезда Нижегородской губернии на сходе заявляли: «Священники только и живут поборами, берут... яйцами, шерстью и норовят как бы почаще с молебнами походить, и деньгами: умер – деньги, родился – деньги, исповедовался – деньги, женился – деньги, берет не сколько даешь, а сколько ему вздумается. А случается год голодный, он не станет ждать до хорошего года, а подавай ему последнее, а у самого 36 десятин (вместе с причтом) земли... Выходит, что все эти люди живут за наш счет и на нашей же шее, а нам от них толку никакого" [Второй... 1957, с. 451]. Корреспондент Вольного экономического общества сообщал из Смоленской губернии, что с апреля 1907 г. "началось заметное движение против духовенства. Крестьяне стали составлять приговор о понижении таксы, например, за молебен вместо 25 коп. – 15 коп., при этом по деревням выбирались понятия (по 2 от деревни) с целью следить, чтобы крестьяне не давали за молебен более 15 коп., а при нарушении полагался штраф 3 рубля" [Аграрное... 1908, с. 384]. На мой взгляд, именно в непомерно высоких таксах кроется одна из главных причин отказа от исповеди, причастия и совершения прочих таинств и обрядов. Так, в Томской епархии в 1905 г. в 13-м благочинническом округе из общего числа прихожан только около 30% были у исповеди и причастия. Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Назарий в отчете за 1908 г. доносил: "Христианский долг св. причастия был исполняем паствою не с тою степени ревности, какая в этом случае представляется необходимою. Случаи уклонения от исполнения этой высокосвященный христианской обязанности были многочисленны» (цит. по [Емелях, 1965, с. 128–129]).

Весьма интересны с точки зрения отношения крестьянства к духовенству брошюры священников В. Рюминского и М. Левитова, напечатанные в годы революции. Левитов считал разговоры о "народе-богослове", всецело преданном православной церкви, не имеющими ничего общего с реальной жизнью: "Ценность религиозности крестьянства оказалась сомнительной, а его добрые сыновниа отношения к священнослужителям скорее иллюзией, чем фактом. Эти отношения, не приближавшиеся никогда к идеальным, в последние годы обострились до крайней степени". Священнослужитель так описывал отношения крестьянства и духовенства: «Уже целое столетие духовенство православное служит в известном отношении "притчей во языцех", вместилищем и олицетворением богатства, жадности и корыстолюбия. Известную поговорку: с живого, с мертвого дерет, духовному лицу приходится слышать с детства до могилы... Тема "жадности поповского отродья" – любимейшая крестьянами. На сходе, на вокзале, в общественной бане, в поле достаточно малейшего повода, и начинаются нескончаемые толки и рассказы... Появление духовного лица в вагоне, наполненном простонародьем, для нашего брата истинное несчастье... В крестьянском сознании духовный сан и деньги на-

столько срослись, ассоциировались, что сделались почти синонимами. Поп – это в их понятии бездонный денежный мешок, каким-то волшебством ежедневно привлекающий и всасывающий в себя деньги из неиссякаемого источника – мужицкого кармана» [Левитов, 1907, с. 5, 6–9].

Причиной такого отношения Левитов считает ужасающую бедность крестьянства и видит выход в просвещении и улучшении благосостояния крестьянства. Обращает на себя внимание то, что, по мнению священника, интеллигенция относится к духовенству лучше, чем крестьянство: "Правда, интеллигенция в значительной степени презирает пастырей, но в общем отношении ее к ним лучше, чем простонародья... Интеллигенция, не особенно уважая священный сан в его реальных проявлениях, в то же время умеет уважать человеческую личность в носителе его, а в некоторой степени и образовательный ценз" [Левитов, 1907, с. 5].

Какие же качества хотели видеть крестьяне в священнослужителях? Левитов дает следующее описание: "Простота обращения и образа жизни, громкий голос, незамедлительное исполнение треб, неопустительное совершение богослужений в дни праздничные, бескорыстие – вот их желаемые качества священника... Но в центре этих требований – бескорыстие". Священнослужитель предрекает, что при сохранении существующего положения вещей "в случае полной революции и анархии, духовенство первое погибнет", поскольку "оно служило и служит громоотводом народного гнева" [Левитов, 1907, с. 6–7, 10, 18].

Священник Рюминский с горечью писал: «Как относятся русские люди к своему священнику, прихожане к своему пастырю, и рассказывать нечего. Самые непристойные рассказы сложены про "долгогривых", как называют православные люди своих священников, скверные пословицы сложены про них, – "поповские глаза завидующие, а руки поповские загробующие", говорит народ. С ними торгуются за исполнение религиозных обрядов, как торгуются на базаре за деготь, как в лавке за товар. С ними судятся, и часто годами тянутся тяжбы – непристойно сказать – прихожан с их священником, верующих с их наставником» [Рюминский, 1906, с. 3]. В. Кантор указывает, что «достаточно вспомнить знаменитые "Заветные сказки", собранные А.Н. Афанасьевым и, разумеется, не вошедшие в основной корпус его трехтомника. Самые скабрзные, похабные и матерные сюжеты "Заветных сказок" связаны с попом, попадшей и поповной. Для тех, кого миновала эта книга, можно напомнить облагороженную пушкинским гением "Сказку о попе и его работнике Балде", которая вполне передает эту усмешку простого мужика над священнослужителем» [Кантор].

Причину неуважительного отношения к духовенству Рюминский видел в том, что "...церковь и духовенство покрывали своим высоким званием все, что делало правительство. За долгие годы, протекавшие со времен Петра Великого, не было такого преступления, совершенного правительством, которого бы не освящала церковь. Представители власти, убивая друг друга, сменяли насильственным путем престолы, терзали, мучили подданных, измывались над крестьянами, состоявшими в рабской зависимости от господ, – церковь и духовенство говорили: все это хорошо, так указывает крестьянская религия. Все долгие тяжкие годы крепостного права не раздавалось голоса с высоты митрополичьих и епископских кафедр, не говорили в проповедях с амвона сельские священники: стыдно, противно Христову учению – закрепощение одних людей другими". Причину такой безропотной покорности духовенства властям Рюминский увидел в союзе между ними.

Выход из сложившейся ситуации священник находил в том, что "нужно разорвать, прекратить этот преступный, нечестивый союз, – освободить государство от принудительного характера веры, и освободить церковь от принуждения, которое налагает на него государство" [Рюминский, 1906, с. 17, 45]. А императрица Александр Федоровна так видела проблему взаимоотношений духовенства и простого народа: "Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но и не понимает даже веры народной, не знает народные нужды и потребности" [Жевахов, 2007, с. 94].

Именно в 1905–1907 гг. отмечается и такое явление, как успех социалистической пропаганды среди рабочих и крестьян. Московский митрополит Владимир писал: «Ни для кого не тайна, что мы живем во время господства материализма и атеизма. Никогда еще не поднимал последний так высоко свою голову, как в настоящее время... Это безбожие в самом широком смысле слова, то есть отрицание Бога, выражающееся не в одних только словах, но и оправдываемое действиями во всех областях человеческой жизни... Всегда было безверие, но оно ютилось прежде только в тайных обществах и кружках и составляло... особенность только известных слоев общества, но теперь поднявшаяся... буря разносит его... по всему христианскому миру, не исключая и простого нашего народа. Самым опасным... в нашем простом народе является материалистическое настроение в социал-демократической партии рабочих... Мало-мальски грамотная молодежь наша, особенно же та, которая имеет отношение к рабочему фабричному люду, с жадностью читает социалистические произведения... В наших деревнях теперь уже нередко становятся возможными такого рода явления: какой-нибудь послуживший на фабрике или начитавшийся социал-демократических брошюрок молодой парень после обыкновенной проповеди священника вступает (такого рода заявления мне приходилось получать не раз) с ним в запальчивое препирательство, говоря "Будет тебе, батька, перетрясать эту ветошь и твердить нам о какой-то загробной жизни, о каком-то небе. Наше небо – на земле, а ваше небо мы предоставляем теперь вашим ангелочкам и воробьям..." Что же удивительного в том, что социал-демократы... начинают уже похваляться, что конец церкви близок и что недалеко то время, когда они от всего здания христианства не оставят и камня на камне» (цит. по [Емелях, 1965, с. 158–159]).

Митрополит Вениамин (Федченков) заметил в своих воспоминаниях: "Разумеется, исторические события, да еще такого огромного масштаба, не делаются случайно: должны быть какие-то давние и глубокие подпочвенные условия, которые питали революцию и дали ей возможность развиваться бурей" [Вениамин (Федченков), 1994, с. 113]. На мой взгляд, именно нищета населения и была тем давним и глубоким условием. С. Нефедов в своем исследовании об экономических предпосылках русской революции приходит к выводу о том, что уровень потребления крестьянства был близок к минимальной норме. Однако уровень потребления половины населения оказывался меньше среднего и меньше нормы. "И хотя по объемам производства страна была более-менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания". Например, душевое потребление хлеба и картофеля в 1908–1911 гг. составляло в Тверской губернии 15,9 пудов в год или около 700 грамм в день, в Ярославской губернии 14,8 пудов или около 650 грамм в день [Нефедов, 2005, с. 91, 94]. В силу статистического разброса больше половины населения Тверской и Ярославской губерний потребляло в день гораздо меньше, то есть жила в условиях постоянного недоедания. Митрополит Вениамин (Федченков) писал: "...голодный выгон стоит в моей памяти как укор, как символ полуголодного существования мужиков... В великоросских деревнях я буквально не помню ни одного толстого крестьянина" [Вениамин (Федченков), 1994, с. 116]. Нефедов констатирует: «...регион бедности представлял собой связанную область, охватывающую основную часть центра, смежные с ним черноземные и западные губернии, Север, некоторые губернии Поволжья... Это были перенаселенные коренные области России... эти испытывавшие недостаток хлеба области не случайно стали "крепостями большевизма" в гражданскую войну – в то время как зернопроизводящие окраинные регионы поддержали белых» [Нефедов, 2005, с. 95].

* * *

Именно мотивы экономического и социального неравенства лежали в основе религиозного индифферентизма, годы Первой русской революции переходившие в открытые антиклерикальные действия, направленные против Церкви как института, поддерживающего существующий экономический строй. Епископ Вятский и Слободской Филарет в

1906 г. констатировал: "Религиозная настроенность народа, его преданность православной вере, его любовь к своему пастырю, его беспрекословное повиновение властям. Его обожание своему монарху.. все это сразу исчезло" (цит. по [Емелях, 1965, с. 126]). К концу 1907 г. первая революция исчерпала себя. Но уже 28 декабря 1907 г. архиепископ Волынский Антоний пишет ставшие пророческими слова: "Везде говорят о... вразумлении, но не верю я в его прочность. Дела идут скверно, особенно церковные, церкви все больше пустуют... **Приходит начало конца** (выделено мной. – Л.А.)" [Безбожник... 1940, с. 3].

В современной Российской Федерации, подобно Российской империи рубежа XIX–XX вв., наблюдается рост политического значения религиозного фактора. Подобно царской России это вызвано прежде всего не ростом религиозности населения, а поиском дополнительных основ легитимности существующего политического строя. В этой связи представляется чрезвычайно важным, чтобы религиозная история России была предметом исследований и дискуссий, а не подменялась идеализированными представлениями и современными экстраполяциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аграрное движение в России в 1905–1906 гг. (Труды Вольного императорского экономического общества). В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1908.

Безбожник. 1940. 27 октября.

Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.

Витте С.Ю. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1960.

Второй период революции. 1906–1907 гг. Ч. 1 // Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. М., 1957.

Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX–начало XX в.). М., 1969.

Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период Первой русской революции. М., 1965.

Епископ Варнава (Беляев). Тернистым путем к небу. М., 1996.

Жевахов Н.Д. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. СПб., 2007.

Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг., 1984.

Кантор В. Русская империя и православие (magazines.russ.ru/october/2002/7/kan-pr.html).

Красный архив. 1936. № 3.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.

Левитов М. Народ и духовенство. Казань, 1907.

Малиновский И.А. Кровавая месть и смертная казнь. Т. 2. Приложение. Томск, 1909.

Нефедов С.А. Об экономических предпосылках русской революции // Общественные науки и современность. 2005. № 3.

Персиц М.М. Атеизм русского рабочего. М., 1965.

К.П. Победоносцев: *pro et contra*. СПб., 1996.

Поссе В.А. Воспоминания. Пг., 1923.

Пролетарий. 1905. 22(9) августа.

Русские народные песни. М., 1957.

Русское Православие: вехи истории. М., 1989.

Рюминский В. Духовенство и народ (Церковь и государство). СПб., 1906.

Слово. 1905. 3 апреля.

Толстой Л.Н. Собр. соч. В 20 т. Т. 13. М., 1964.

Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992.

Христианин. 1907. № 1.

Чегодаева М. Русское искусство и вера (www.istina.religare.ru/material1215.html).